

Царевелье
корольеы

Анж Путьу

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Д 96

Alexandre Dumas
LE COLLIER DE LA REINE. ANGE PITOU

Перевод с французского
Елены Баевской («Ожерелье королевы», часть III;
«Анж Питу», часть II, главы 22–40),
Ивана Русецкого («Ожерелье королевы», пролог, часть I;
«Анж Питу», часть I, главы 22–30, часть II, главы 1–21),
Леонида Цывьяна («Ожерелье королевы», часть II;
«Анж Питу», часть I, главы 1–21)

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Иллюстрации
Франтишека Хорника («Ожерелье королевы»)
и Станислава Гудечека («Анж Питу»)

Тексты печатаются по изданиям:
Дюма А. Ожерелье королевы: В 2 т. М.: Пресса, 1992.
Дюма А. Анж Питу. М.: Пресса, 1994.

ISBN 978-5-389-46757-5

© Е. В. Баевская, перевод, 1991
© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2025
© М. Е. Тайманова, перевод, 2025
© Л. М. Цывьян (наследник), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Иккерелбе
королевы

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА¹

Прежде всего, позвольте мне дать небольшие пояснения нашим читателям относительно только что написанного нами заглавия. Вот уже два десятка лет, как мы ведем с читателями беседы, и я надеюсь, что несколько приведенных ниже строк не помешают нашей старинной дружбе, а лишь укрепят ее.

С тех пор как мы обменялись последними репликами, произошла революция. Я предсказал ее еще в 1832 году, изложил ее причины, следил за ее ходом, описал ее вплоть до свершения; более того, еще шестнадцать лет назад я поведал о том, что сделаю (и сделал это восемь месяцев назад).

Позвольте мне привести здесь последние строки пророческого эпилога, завершающего мою книгу «Галлия и Франция».

«Вот пучина, которая очень скоро поглотит наше правительство. Маяк, которым мы освещаем ему путь, осветит лишь его крушение. Ибо даже захоти оно изменить курс, оно не в силах будет это сделать; ему не совладать ни со стремительным течением, ни с порывистым ветром. И только в час гибели, когда наши человеческие чувства возьмут верх над гражданским стоицизмом, раздастся голос: „Долой королевскую власть, но да спасет Бог короля!“ И это будет мой голос».

Разве не сдержал я свое обещание и разве единственный во Франции голос, который сказал «прощай» августейшей дружбе в момент свержения династии, не прозвучал достаточно громко, чтобы быть услышанным?

Итак, революция, которую мы предвидели и о которой объявили, не застала нас врасплох. Мы приветствовали ее как нечто предопределенное и неизбежное; мы не надеялись, что она будет лучше, мы боялись, что она будет хуже. Мы двадцать лет изучали прошлое народов, и нам известно, что такое революция.

Не будем говорить ни о тех, кто ее вершил, ни о тех, кто ею воспользовался. Любая буря мутит воду. Землетрясение выносит наружу то, что таилось в недрах. Затем, следуя законам равновесия, каждая молекула возвращается на свое место.

¹ Перевод М. Таймановой.

Земля становится тверже, вода — прозрачнее, а ненадолго потемневшее небо вскоре отражает в бескрайнем озере россыпь золотых звезд.

Пусть наши читатели удостоверятся, что мы остались такими, как были до 24 февраля¹, разве что прорезалась лишняя складка на лбу и появился рубец на сердце — вот и все изменения, происшедшие с нами за последние страшные восемь месяцев. Мы так же любим тех, кого любили, уже не остерегаемся тех, кого остерегались, ну а тех, кого презирали, презираем пуще прежнего.

Итак, ничего не изменилось ни в нашем творчестве, ни в нас самих. Возможно, что и в творчестве стало одной складкой и одним рубцом больше. Только и всего.

На сегодняшний день мы написали почти четыреста томов — исследовали разные века, извлекали на свет череду персонажей, потрясенных тем, что вновь смогли обрести жизнь в великий день издания книги.

И теперь мы призываем к ответу этот мир, полный призраков: принесли ли мы когда-либо в жертву своему времени его преступления, пороки или добродетели? Нет — о королях, вельможах, о народе мы всегда говорили лишь правду или то, что таковой считали; и если бы мертвые могли отстаивать свои права, как это доступно живым, то им не в чем было бы нас обвинить — мы не причинили вреда ни тем ни другим.

Есть сердца, для которых любое несчастье свято, любое крушение достойно уважения; благочестие заставит их склонить голову и перед могилой, и перед поверженной короной, лишается ли человек жизни или трона.

Когда мы написали заголовок на первой странице нашей книги, скажем прямо, его нам продиктовал отнюдь не свободный выбор, а то, что пришло его время, настал его черед; хронология неумолима; после 1774 года должен был наступить 1784-й; после «Жозефа Бальзамо» — «Ожерелье королевы».

Но пусть будет спокойна самая щепетильная совесть: именно потому, что сегодня историк вправе говорить все, он может стать цензором поэта. Здесь ничего не сказано рискованного о королеве-женщине, ничего сомнительного о королеве-мученице. Правда то, что мы живописуем человеческие слабости или королевское тщеславие — но лишь как те художники-идеалисты, которые умеют найти прекрасную сторону во всяком сходстве. Как творец по имени Ангел², увидевший в своей любовнице святую Мадонну, мы печально, беспристрастно и торжественно проследуем по пути поэтических мечтаний между гнусными памфлетами и чрезмерной хвалой. Та, чью голову со смертельной бледностью на лице палач показал народу, обрела право не краснеть перед потомством.

Александр Дюма
29 ноября 1848

¹ 24 февраля 1848 г. в результате Февральской революции король Луи-Филипп отрекся от престола. Дюма был свидетелем революционных событий в Париже и наблюдал бегство короля. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Имеется в виду Микеланджело Буонарроти (1475–1564).

1

СТАРЫЙ ДВОРЯНИН И СТАРЫЙ ДВОРЕЦКИЙ

В один из первых дней апреля 1784 года, примерно в три часа с четвертью пополудни, наш старый знакомец, убеленный сединами маршал де Ришелье, подправил брови ароматической краской, оттолкнул рукою зеркало, которое держал камердинер, сменивший, но не полностью заменивший преданного Раффе, покачал головой и со свойственным одному ему выражением промолвил:

— Ну что ж, теперь недурно.

Он встал с кресла и залихватским щелчком стряхнул пылинки белой пудры, просыпавшиеся с парика на короткие штаны из небесно-голубого бархата.

Затем, оттягивая носок и плавно скользя по паркету, он проделал несколько кругов по туалетной комнате и позвал:

— Дворецкого ко мне!

Минут через пять появился дворецкий, одетый в парадную ливрею.

Маршал принял серьезный, соответствующий обстоятельствам вид и осведомился:

— Надеюсь, вы подготовились к обеду как следует?

— Разумеется, ваша светлость.

— Я ведь передал вам список приглашенных, не так ли?

— И я в точности запомнил их число, ваша светлость. Девять персон, правильно?

— Персоны персонам рознь, сударь.

— Да, ваша светлость, но...

Маршал прервал дворецкого нетерпеливым жестом — едва заметным и вместе с тем величественным:

— «Но» — это не ответ, сударь мой! И, кроме того, всякий раз, когда я слышу слово «но» — а за восемьдесят восемь лет я уже слышал его не единожды, — мне, как это ни прискорбно, становится ясно, что далее следует какая-нибудь глупость.

— Ваша светлость!..

— Во-первых, в котором часу вы собираетесь подать обед?

— Буржуа обедают в два, ваша светлость, судейские — в три, а знать — в четыре.

— А я, сударь?

— Сегодня вы, ваша светлость, будете обедать в пять.

— В пять, вот как?

— Да, ваша светлость, как король.

— Почему же как король?

— Потому что в списке, который я имел честь от вас получить, присутствует имя короля.

— Отнюдь, сударь мой, вы ошибаетесь; на сегодня я августейших особ не приглашал.

— Ваша светлость изволит шутить со своим преданным слугой, и я благодарю вас за оказанную честь. Но среди приглашенных есть господин граф Хага...

— Так что ж?

— Но ведь граф Хага — король.

— Короля с таким именем я не знаю.

— Прошу меня извинить, ваша светлость, — поклонившись, проговорил дворецкий, — но я подумал, я полагал...

— Думать вам никто не приказывал, сударь мой! Полагать что-либо — это не ваше дело. Вам надобно только читать распоряжения, которые я отдаю, без каких бы то ни было рассуждений. Когда я желаю, чтобы вам что-либо было известно, я говорю об этом, а коль скоро я молчу, значит не хочу вас ни во что посвящать.

Дворецкий поклонился снова — на сей раз даже с большим почтением, чем если бы перед ним находился сам король.

— Поэтому, сударь, — продолжал старый маршал, — раз я августейших особ не приглашал, извольте накормить меня обедом как всегда, то есть в четыре часа.

При этих словах лицо дворецкого исказилось так, словно ему только что объявили смертный приговор. Он побледнел и даже несколько согнулся под тяжестью нанесенного удара.

Затем, собрав в отчаянии последние силы, он выпрямился и отважно возразил:

— Пусть будет так, как угодно Господу, но вы, ваша светлость, отобедаете в пять часов.

— Это еще почему? — воскликнул маршал.

— Потому что подать обед раньше физически невозможно.

— Сударь мой, вы служите у меня уже лет двадцать, если не ошибаюсь? — спросил старик, надменно покачав головой, которой возраст, казалось, еще не коснулся.

— Двадцать один год, месяц и две недели, ваша светлость.

— Так вот, сударь мой, к двадцати одному году, месяцу и двум неделям вы не прибавите более ни дня, ни даже часа. Понятно? — нахмурившись и поджав тонкие губы, отвечивал маршал. — Сегодня вечером можете

начинать подыскивать себе нового хозяина. Я не потерплю, чтобы слово «невозможно» произносилось у меня в доме. Привыкать к нему в моем возрасте уже поздно: у меня нет на это времени.

Дворецкий поклонился в третий раз и проговорил:

— Сегодня вечером я возьму у вашей светлости расчет, однако до самой последней минуты буду отправлять свою службу как должно.

С этими словами он отступил на два шага к двери.

— Что значит «как должно»? — вскричал Ришелье. — Зарубите себе на носу, сударь: здесь все должно делать так, как мне нужно! Я желаю обедать в четыре, и мне не надобно, чтобы вы сажали меня за стол на час позже.

— Господин маршал, — сухо отозвался дворецкий, — я служил экономом у его светлости принца де Субиза и управляющим у его светлости принца кардинала Луи де Рогана¹. У первого из них изволил обедать раз в год его величество покойный король Франции, у второго — его величество император Австрийский изволил обедать раз в месяц. Поэтому, ваша светлость, я знаю, как следует принимать коронованных особ. У принца де Субиза король Людовик Пятнадцатый бывал под именем барона де Гонесс, но все равно это был король. У другого из них, то есть у принца де Рогана, император Иосиф называл себя графом Пакенштайнским, но все равно это был император. Сегодня вы, господин маршал, принимаете графа Хагу, но, как вы его ни назовете, он все равно останется королем Швеции. Или сегодня вечером я покину ваш дом, господин маршал, или с господином графом Хагой здесь будут обращаться как с королем.

— А я уже битый час пытаюсь вам это запретить, поскольку граф Хага желает сохранить самое строгое и непроницаемое инкогнито. Узнаю, черт возьми, дурацкую суетность лакейских душонок! Не корону вы чтите, а себя, пользуясь для этого нашими экю!

— Я и в мыслях не допускаю, — колко парировал дворецкий, — что ваша светлость всерьез говорит о деньгах.

— Ну что вы, сударь, — в некотором смущении запротестовал маршал. — Деньги! Да кто говорит о деньгах! Прошу вас, не надо ставить все с ног на голову, я только хотел подчеркнуть, что не желаю, чтобы здесь упоминали о короле.

— Но, господин маршал, за кого вы меня принимаете? Неужто вы считаете, что я способен на столь необдуманный поступок? Никто и не собирается упоминать о короле.

— Тогда не упрямитесь и приготовьте обед к четырем часам.

— Это невозможно, господин маршал, так как в четыре еще не прибудет то, чего я жду.

— Чего же вы ждете? Какую-нибудь рыбу, как господин Ватель?²

¹ Шарль де Роган, принц де Субиз (1715–1787) — маршал Франции, ловкий царедворец, но посредственный военачальник.

² Ватель — дворецкий принца Конде. Готовя обед в честь Людовика XIV, он увидел, что рыба не доставлена вовремя, и в отчаянии закололся шпагой.

- Вот еще, при чем тут Ватель, — пробормотал дворецкий.
- Вам, кажется, не по вкусу такое сравнение?
- Да нет, просто благодаря удару шпагой, которым он покончил с собой, господин Ватель приобрел бессмертие.
- Ах, так вы полагаете, что ваш собрат заплатил за славу слишком дешево?
- Нет, ваша светлость, но подумайте сами: сколько таких же, как я, дворецких мучаются, сносят обиды и унижения гораздо худшие, нежели удар шпагой, и тем не менее не обретают бессмертия!
- Но не думаете ли вы, сударь мой, что для бессмертия нужно быть либо членом академии¹, либо мертвецом?
- Коли на то пошло, ваша светлость, лучше уж оставаться в живых и исполнять свой долг. Не стану я умирать и исполню свой долг так же, как это сделал бы Ватель, будь господин принц Конде чуточку терпеливее и подожди он еще с полчаса.
- Но вы же посулили мне какие-то чудеса? Весьма ловко с вашей стороны.
- Нет, ваша светлость, никаких чудес.
- Чего же в таком случае вы ждете?
- Вы действительно хотите знать, ваша светлость?
- Еще бы! Мне очень любопытно.
- Я жду, ваша светлость, бутылку вина.
- Бутылку вина? Объяснитесь же! Это становится интересным.
- Дело вот в чем, ваша светлость. Его величество король Швеции, я хотел сказать, его сиятельство граф Хага не пьет ничего, кроме токайского.
- Как! Неужели в моих погребях не найдется токайского? Если так, то эконома надо гнать в три шеи.
- Нет, ваша светлость, у вас есть еще около шестидесяти бутылок.
- Стало быть, вы полагаете, что граф Хага выпивает за обедом шестьдесят одну бутылку?
- Немного терпения, ваша светлость. Когда господин граф Хага впервые посетил Францию, он был тогда только наследным принцем. Однажды он обедал у покойного короля, который как раз получил дюжину бутылок токайского от его величества императора Австрийского. Вам известно, что отборное токайское попадает только в императорские погреба и что даже монархи пьют его лишь в том случае, если получают в подарок от его императорского величества?
- Известно.
- Так вот, ваша светлость, из того вина, что отведал тогда наследный принц и нашел восхитительным, сейчас осталось только две бутылки.
- Вот как?

¹ Членов Французской академии называют «бессмертными», потому что на место одного умершего из 40 ее членов немедленно избирают другого. См. также примеч. на с. 215.

— Да, и одна из них все еще находится в погребках короля Людовика Шестнадцатого.

— А другая?

— А другая похищена, — с улыбкой триумфатора заявил дворецкий, который понял, что после долгой борьбы его победа уже близка.

— Похищена? Кем же?

— Одним моим другом, экономом покойного короля, человеком, который многим мне обязан.

— Так, и, стало быть, он вам ее отдал.

— Конечно, ваша светлость, — гордо ответил дворецкий.

— И что вы с нею сделали?

— Поместил в погреб своего хозяина, ваша светлость.

— Вашего хозяина? Кто же был в те времена вашим хозяином, сударь?

— Его светлость принц кардинал де Роган.

— Господи, так это было в Страсбурге?

— В Саверне.

— И вы послали кого-то за этой бутылкой, чтобы ее доставили мне? — воскликнул старый маршал.

— Вам, ваша светлость, — ответил дворецкий тоном, в котором явно звучало еще одно слово: «Неблагодарный!»

Герцог де Ришелье схватил верного слугу за руку и вскричал:

— Прошу меня извинить, сударь, вы — король дворецких!

— А вы хотели меня прогнать! — укорил хозяина тот, сопроводив свои слова непередаваемым движением головы и плеч.

— Я заплачу вам за эту бутылку сотню пистолей.

— И еще сотню будет стоить доставка, так что в общей сложности получается двести. Но ваша светлость должны признать, что это даром.

— Я признаю все, что вам будет угодно, сударь, а пока с сегодняшнего дня вы будете получать двойное жалованье.

— Но, ваша светлость, я этого не заслужил, я всего лишь исполнял свой долг.

— А когда прибудет ваш гонец, посланный за этой бутылкой?

— Рассудите сами, ваша светлость, терял я время попусту или нет. Когда ваша светлость объявили мне об обеде?

— Кажется, три дня назад.

— Гонцу, который будет скакать во весь опор, требуется двадцать четыре часа на дорогу туда и столько же — на обратную.

— Остается еще двадцать четыре часа. Признайтесь, монарх дворецких, на что вы их употребили?

— Увы, ваша светлость, я их потерял. Мысль о вине пришла мне в голову лишь на следующий день после того, как вы вручили мне список приглашенных. Теперь добавьте время, необходимое для совершения сделки, и вы поймете, ваша светлость, что, назначая обед на пять часов, я просил вас о совершенно необходимой отсрочке.

— Как! Бутылка еще не здесь?

- Нет, ваша светлость.
- Боже милосердный! А вдруг ваш собрат из Саверна проявит такую же преданность принцу де Рогану, какую вы проявляете ко мне?
- Я не понимаю вас, ваша светлость.
- Вдруг он откажется отдать бутылку, как сделали бы, несомненно, вы на его месте?
- Я, ваша светлость?
- Ну да. Надеюсь, вы никому не отдали бы подобную бутылку, хранись она в моем погребе?
- Покорно прошу меня извинить, ваша светлость, но если бы кто-то из моих собратьев, которому предстояло бы принимать короля, попросил у меня бутылку вашего лучшего вина, я отдал бы ее, не колеблясь ни секунды.
- Вот как, — слегка скривился маршал.
- Помогай сам, и тебе помогут, ваша светлость.
- Вы меня немного успокоили, — со вздохом проговорил маршал, — но риск все же есть.
- Какой, ваша светлость?
- Вдруг бутылка разобьется?
- Ох, ваша светлость, еще не случалось, чтобы кто-нибудь разбивал бутылку стоимостью в две тысячи ливров.
- Ладно, я был не прав, не будем больше об этом. Так когда же прибывает ваш гонец?
- Ровно в четыре часа.
- В таком случае что нам мешает сесть за обед в четыре? — снова принялся за свое маршал, упрямый, как мул.
- Ваша светлость, вино должно отдыхать в течение часа — и то лишь благодаря изобретенному мною способу. В противном случае оно отдыхало бы три дня.
- Потерпев поражение и на этот раз, маршал отвесил дворецкому поклон в знак того, что сдается.
- К тому же, — продолжал тот, — ваши приглашенные, зная, что им предстоит честь обедать за одним столом с господином графом Хагой, раньше половины пятого не явятся.
- А это еще почему?
- Ну как же, ваша светлость, вы ведь, если не ошибаюсь, пригласили господина графа Делоне, госпожу графиню Дюбарри, господина де Лаперуза, господина де Фавраса, господина де Кондорсе¹, господина де Калиостро и господина де Таверне?

¹ *Бернар Рене Делоне* (1740–1789) — комендант Бастилии, убит во время ее взятия. *Жанна Дюбарри* (1743–1793) — фаворитка Людовика XV, обезглавлена в период террора. *Жан-Франсуа де Лаперуз* (1741–1788?) — французский мореплаватель, в 1785–1788 гг. руководил кругосветной экспедицией, пропавшей без вести после выхода из Сиднея; ее останки впоследствии найдены на одном из островов Санта-Крус (ныне Соломоновы). *Тома де Маи, маркиз де Фаврас* (1744–1790) — политический сторонник графа Прованского, повешен на Гревской площади. *Жан Антуан Никола Кондорсе* (1743–1794) — философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, отравился в период террора, чтобы избежать гильотины.

— И что из этого следует?

— Начнем по порядку, ваша светлость. Господин Делоне приедет прямо из Бастилии, а по обледенелым дорогам из Парижа сюда не меньше трех часов езды.

— Да, но он выедет сразу после того, как заключенным будет подан обед, то есть в полдень — это я знаю точно.

— Простите, ваша светлость, но с тех пор, как вы побывали в Бастилии, обеденное время там изменилось, теперь там обедают в час пополудни.

— Да, сударь мой, век живи, век учись. Благодарю вас, и продолжайте.

— Госпожа Дюбарри едет из Люсьенны, то есть все время под гору и по сплошной гололедице.

— О, это не помешает ей приехать вовремя. С тех пор как она перестала быть фавориткой герцога, она правит лишь баронами. Поймите и вы меня, сударь: я хочу приступить к обеду пораньше из-за господина де Лаперуза, который сегодня вечером отбывает и будет поэтому торопиться.

— Ваша светлость, господин де Лаперуз находится сейчас у короля и беседует с его величеством о географии и космографии. Так скоро король господина де Лаперуза не отпустит.

— Возможно, вы правы.

— Это точно, ваша светлость. Так же получится и с господином де Фаврасом, который беседует сейчас с графом Прованским¹ о новой пьесе господина Карона де Бомарше.

— Вы имеете в виду «Женитьбу Фигаро»?

— Ее, ваша светлость.

— Известно ли вам, сударь, что вы образованный человек?

— В свободное время я читаю, ваша светлость.

— Но у нас есть еще господин де Кондорсе, который, как геометр, должно быть, отличается большой пунктуальностью.

— Это так, но он станет рассчитывать время и в результате опоздает на полчаса. Что же до господина де Калиостро, то он иностранец и живет в Париже недавно, поэтому, скорее всего, еще недостаточно осведомлен о порядках в Версале и может заставить себя ждать.

— Итак, — подытожил маршал, — если не считать Таверне, вы перечислили всех моих приглашенных, причем в последовательности, достойной Гомера, а также бедняги Раффе.

Дворецкий поклонился и ответил:

— Я не упомянул о господине де Таверне, потому что он старый друг и поступит сообразно с обстоятельствами. Мне кажется, ваша светлость, мы не забыли никого из приглашенных?

— Нет, все точно. Где вы собираетесь подавать обед?

— В большой столовой, ваша светлость.

— Мы там замерзнем.

¹ *Граф Прованский* (1755–1824) — брат Людовика XVI, будущий (с 1814 г.) король Людовик XVIII.

— Ее топят уже трое суток, ваша светлость, я поддерживаю там температуру в восемнадцать градусов.

— Прекрасно! Однако уже бьет половину. — Маршал бросил взгляд на часы. — Да, сударь, уже половина пятого.

— Правильно, ваша светлость, и я слышу во дворе стук копыт. Это прибыла бутылка токайского.

— Служили бы мне так еще лет двадцать! — сказал старый маршал, поворачиваясь к зеркалу, тогда как дворецкий бросился в буфетную.

— Двадцать лет! — со смехом повторил чей-то голос, тут же оторвавший герцога от зеркала. — Двадцать лет! Я желаю вам этого, мой дорогой маршал, но тогда мне будет шестьдесят, я стану совсем старухой.

— Это вы, графиня? — воскликнул маршал. — Сегодня вы первая. Боже, как вы всегда свежи и хороши!

— Скажите лучше, «окоченели», герцог.

— Прошу вас, пройдемте в будуар.

— Вот как? Разговор с глазу на глаз, маршал?

— Нет, втроем, — раздался чей-то надтреснутый голос.

— Таверне! — вскричал маршал. — Вечно испортит весь праздник, — добавил он на ухо графине.

— Вот фат! — расемеявшись, бросила графиня, и все трое прошли в соседнюю комнату.

2

ЛАПЕРУЗ

В тот же миг приглушенный стук колес по заснеженным плитам двора известил маршала о прибытии остальных гостей, и вскоре благодаря распорядительности дворецкого девять приглашенных уселись за овальный стол в столовой; девять лакеев, немых, словно тени, проворных, но без торопливости, предупредительных, но без навязчивости, заскользили по коврам, не задевая ни самих гостей, ни даже их кресла, покрытые мехами, в которых буквально утопали сидящие за столом.

Гости маршала наслаждались нежным теплом, струящимся от печей, ароматами мяса, букетами вин, а после супа завязалась и застольная беседа.

Ни звука не доносилось снаружи, так как ставни были плотно прикрыты, внутри также царил полная тишина: не звякала ни тарелка при перемене, ни столовое серебро, бесшумно появлявшееся на столе из буфетной, и даже дворецкий отдавал приказы лакеям не шепотом, а взглядом.

Минут через десять приглашенные почувствовали, что они в столовой одни: слуги казались столь немymi и бесплотными, что обязательно должны были быть и глухими.

Г-н де Ришелье первым нарушил царившее за столом молчание, обратившись к соседу справа:

— Почему вы ничего не пьете, господин граф?

Тот, к кому были обращены эти слова, был блондином лет сорока, невысоким, но широким в плечах; в его обычно грустных светло-голубых глазах порою мелькала искорка оживления, все черты его породистого, открытого лица выражали врожденное благородство.

— Я пью лишь воду, маршал, — ответил он.

— Но только не у Людовика Пятнадцатого, — возразил герцог. — Я имел честь обедать у него вместе с вами, господин граф, и тогда вы осмелились попробовать вина.

— Да, это чудное воспоминание, господин маршал. В семьдесят первом году я действительно пил там токайское из императорских погребов.

— Такое же вино мой дворецкий имеет честь наливать вам в эту минуту, господин граф, — сообщил Ришелье и поклонился.

Граф Хага поднял бокал к глазам и посмотрел сквозь него на свечи.

Они сияли, словно расплавленные рубины.

— Действительно, — подтвердил он. — Благодарю вас, господин маршал.

Граф произнес слова благодарности с таким благородством и изяществом, что присутствующие в едином порыве поднялись с кресел и воскликнули:

— Да здравствует его величество!

— Правильно, — подхватил граф Хага, — да здравствует его величество король Франции! Не так ли, господин де Лаперуз?

— Господин граф, — ответил капитан негромко и почтительно, как человек, привыкший разговаривать с коронованными особами, — я покинул короля час назад, и он был ко мне так добр, что никто громче меня не воскликнет: «Да здравствует король!» Однако, поскольку через час я поскачу на почтовых к морю, где меня ожидают два корабля, отданные под мою команду его величеством, и окажусь далеко отсюда, я прошу у вас разрешения приветствовать сейчас другого короля, которому я был бы рад слушать, не будь у меня столь хорошего господина.

И, подняв бокал, г-н де Лаперуз скромно поклонился графу Хаге.

— Вы правы, сударь, мы все готовы выпить за здоровье господина графа, — вмешалась г-жа Дюбарри, сидевшая слева от маршала. — Только пусть этот тост провозгласит наш старейшина, как выражаются в парламенте.

— Любопытно бы знать, Таверне, на кого тут намекают — на тебя или на меня? — рассмеялся маршал, бросив взгляд на старого друга.

— Не думаю, — заметил гость, помещавшийся напротив маршала де Ришелье.

— Чего вы не думаете, господин де Калиостро? — пронзительно взглянув на него, спросил граф Хага.

— Я не думаю, господин граф, — с поклоном отвечал Калиостро, — что наш старейшина — господин де Ришелье.

— О, вот это славно! — воскликнул маршал. — Похоже, речь идет о тебе, Таверне.

— Да полно, я же моложе тебя на восемь лет. Я родился в тысяча семьсот четвертом году, — возразил почтенный старец.

— Неужто вам восемьдесят восемь лет, господин герцог? — удивился г-н де Кондорсе.

— Увы, это так. Подсчитать несложно, особенно такому математику, как вы, маркиз. Я родился в прошлом веке, в великом веке, как его называют, в тысяча шестьсот девяносто шестом году.

— Невероятно! — заметил Делоне.

— О, будь здесь ваш отец, господин губернатор Бастилии, он ничего невероятного в этом не усмотрел бы, так как я был у него на пансионе в тысяча семьсот четырнадцатом году.

— Уверяю вас, — вмешался г-н де Фаврас, — что старейшина среди нас — вино, которое господин граф Хага как раз наливает себе в бокал.

— Вы правы, господин де Фаврас, этому токайскому — сто двадцать лет, — отозвался граф. — Ему и принадлежит честь быть поднятым за здоровье короля.

— Минутку, господа, я протестую, — заявил Калиостро, оглядывая присутствующих умными, живыми глазами.

— Протестуете против права этого токайского на старшинство? — раздался голоса сотрапезников.

— Разумеется, потому что эту бутылку запечатывал я, — спокойно пояснил граф.

— Вы?

— Да, я. Это случилось в день победы, одержанной Монтекукколи¹ над турками в тысяча шестьсот шестьдесят четвертом году.

Эти слова, произнесенные Калиостро с непоколебимой серьезностью, были встречены взрывом хохота.

— В таком случае, сударь, — сказала г-жа Дюбарри, — вам должно быть около ста тридцати лет — я прибавила десяток лет, потому что вы ведь должны были умудриться налить это прекрасное вино в такую большую бутылку.

— Когда я производил эту операцию, мне было больше десяти лет, сударыня, поскольку через день его величество император Австрийский оказал мне честь, поручив поздравить Монтекукколи, который своею победой при Санкт-Готхарде отомстил за поражение в Словении², когда неверные в тысяча пятьсот тридцать шестом году наголову разбили имперцев, моих друзей и товарищей по оружию.

— Значит, — с тою же невозмутимостью, что и Калиостро, проговорил граф Хага, — в то время вам должно было быть не менее десяти лет, раз вы лично присутствовали при этой памятной битве.

— Ужасный был разгром, господин граф, — с поклоном промолвил Калиостро.

— Но все-таки не такой, как поражение при Креси, — улыбнувшись, заметил Кондорсе.

— Это верно, сударь, — с не менее ясной улыбкой отозвался Калиостро, — поражение при Креси было ужасным еще и потому, что разгром потерпела не только армия, но и вся Франция. Но следует признать, что англичане добились победы не очень-то честным путем. У короля Эдуарда были пушки, о чем понятия не имел Филипп Валуа³, точнее, во что он никак не хотел поверить, хотя я его и предупреждал, что своими глазами видел четыре орудия, которые Эдуард купил у венецианцев.

— Ах, так вы знали Филиппа Валуа? — осведомилась г-жа Дюбарри.

— Сударыня, я имел честь быть в числе тех пятерых сеньоров, которые сопровождали его, когда он покидал поле битвы, — ответил Калиостро. — Я приехал во Францию с несчастным престарелым королем Богемии, который был слеп и велел себя убить, когда узнал, что все пропало.

— О боже, сударь, — воскликнул Лаперуз, — вы и представить не можете, как мне жаль, что вместо битвы при Креси вы не наблюдали за сражением при Акции⁴.

¹ *Раймунд Монтекукколи* (1609–1680) — граф, имперский князь и герцог, австрийский фельдмаршал, в 1664 г. одержал победу над турецкими войсками у монастыря Санкт-Готхард.

² *Словения* — Союзная Республика Югославия, в XVIII в. владение Австрии.

³ *Филипп VI из династии Валуа* (1293–1350) — с 1328 г. король Франции, во время Столетней войны неоднократно сражавшийся с английскими войсками Эдуарда III.

⁴ *Акций* — мыс в Ионическом море, где в 31 г. до н. э. флот Октавиана разбил флот Антония и Клеопатры.

Дюма А.

Д 96 Ожерелье королевы ; Анж Питу : романы / Александр Дюма ; пер. с фр. Е. Баевской, И. Русецкого, Л. Цывьяна. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 1216 с. : ил.

ISBN 978-5-389-16757-5

«Ожерелье королевы» и «Анж Питу» — два увлекательных историко-приключенческих романа Александра Дюма, действие которых происходит во Франции во второй половине XVIII века. Роман «Ожерелье королевы» повествует о загадочном исчезновении бриллиантового украшения, которое король Людовик XVI заказал для своей супруги Марии-Антуанетты. Под подозрением оказываются все приближенные к королевскому двору, включая таинственного графа Калиостро, авантюристку Жанну де Ламотт и саму королеву... Главный герой романа «Анж Питу» — провинциальный студент, вовлеченный в бурный водоворот Великой французской революции.

В России романы впервые печатаются в сопровождении замечательных иллюстраций Франтишека Хорника и Станислава Гудечека.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АЛЕКСАНДР ДЮМА
ОЖЕРЕЛЬЕ КОРОЛЕВЫ
•
АНЖ ПИТУ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Корректоры Юлия Теплова, Алиса Черникова, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.07.2025.
Формат издания 72 × 100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 101,08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Печатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-BHK-25227-01-R